

УДК 26-67(571.1)(09)

doi 10.17072/2219-3111-2018-3-54-63

СИБИРЬ ТОЛЕРАНТНАЯ? К ВОПРОСУ ОБ ОТНОШЕНИИ К ЕВРЕЯМ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД¹

В. А. Герасимова

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 644077, Омск, пр. Мира, 55а
gerasimova@bk.ru

Анализируется опыт межконфессионального взаимодействия евреев и окружающего нееврейского населения в Западной Сибири в XIX–начале XX в., рассматривается наполнение используемого сибирскими исследователями понятия «сибирская толерантность» в контексте взаимоотношений евреев и неевреев в регионе. Рассматриваются типы взаимодействия евреев и сибиряков (крестьян, православного духовенства, мещан), при этом концентрируется внимание на конфликтных ситуациях. На основе анализа малоизвестных и впервые вводимых в оборот архивных источников делается вывод о существовании в Западной Сибири особого регионального варианта стереотипов восприятия евреев как этноконфессионального меньшинства. Автор приходит к выводу о том, что при полном отсутствии собственно религиозных обвинений и наветов, формирование стереотипов в дореволюционный период было обусловлено особенностями социально-экономической деятельности некоторых представителей еврейской диаспоры в Сибири (контрабандой, фальшивомонетничеством, шулерством, сутенерством, операциями с краденым золотом и т.д.). Причины заметно меньшего количества межконфессиональных конфликтов с участием евреев в Западной Сибири видятся не только в малочисленности еврейского населения и процессах аккультурации, но и в специфике социального состава еврейских общин региона. В продолжение изучения проблемы интеграции евреев в российский имперский социум, поставленной американским исследователем Б. Натансом, автором вводится понятие «принудительная интеграция» для определения процессов интеграции двух особых групп евреев Сибири – ссыльных и солдат и их потомков, составлявших в большинстве случаев основу еврейских общин региона, – в сибирское социокультурное пространство.

Ключевые слова: евреи, толерантность, межконфессиональное взаимодействие, Западная Сибирь, Российская империя, иудаизм.

Сибирским сюжетам в еврейской истории посвящена добрая сотня публикаций [Кальмина и др., 2004]. Существует даже особое понятие «сибирская еврейская историография» [Курас, 2013, с. 53]. На современном этапе, несмотря на явное угасание исследовательского интереса к еврейской истории в Сибири, можно утверждать, что основной корпус источников выявлен специалистами, восстановлена также фактология еврейского присутствия в регионе. Однако полностью изученной сибирскую тему в контексте еврейской истории и еврейскую тему в контексте истории Сибири едва ли можно назвать.

Настоящая статья посвящена одной из самых популярных тем в сибирской еврейской историографии – взаимоотношениям евреев и сибирского социума. В рамках статьи будет представлен анализ западносибирской ситуации, однако, забегаая вперед, можно утверждать, что выводы могут быть распространены на всю Сибирь. Ключевой постулат абсолютно всех работ по истории евреев Сибири сводится к констатации толерантного отношения к евреям в регионе. Так, барнаульский историк Ю.М. Гончаров пишет о «толерантности коренных сибиряков» [Гончаров, 2013, с. 78], тюменская исследовательница В.П. Ключева утверждает, что «для Сибири во многом характерна определенная толерантность восприятия друг друга лицами разных конфессий» [Ключева, 2004, с. 17]. При этом оба автора подразумевают под толерантностью «индифферентность к вопросам веры» со стороны сибиряков и иллюстрируют это понимание преимущественно фактами из истории становления иудейских религиозных общин в регионе, количественными показателями роста еврейского населения и особенностями их экономической деятельности. Обращение к микроуровню, к анализу конкретных сюжетов и текстов, на наш взгляд, позволят уловить специфику восприятия иудеев в сибирском социуме, рассмотреть конкретное наполнение понятия «сибирская толерантность». Цель

исследования – анализ проявления «толерантности/ нетерпимости» к евреям, определение региональной специфики восприятия евреев, рассмотрение создания и функционирования региональной версии этнических стереотипов в отношении евреев в сибирском социуме.

В 1859 г. в «Записке об эмансипации евреев в России» Эммануэль Левин, ратуя за отмену черты оседлости, писал: «Мы же [евреи]... будем иметь дело с народом свежим [населением Российской империи за пределами черты оседлости], не имеющим еще твердого общественного мнения, народом, который до сих пор не терпя среди себя евреев, не имел еще ни времени, ни возможности проникнуться к ним ни завистью, ни враждебностью» [Левин, 1916, с. 302]. Разумеется, автор не имел в виду конкретно сибиряков, едва ли европейски образованному маскилу (стороннику еврейского Просвещения) пришла бы в голову идея об утопическом сибирском Иерусалиме для российских евреев. Тем не менее, мысль, высказанная им, парадоксальным образом идеально охарактеризовала бы специфику интеграции евреев в сибирский социум во второй половине XIX – начале XX в. Еще одним случайным совпадением можно считать то, что дата написания записки Левиным примерно соответствует периоду интенсивного развития еврейской общинной жизни в Сибири вообще и в Западной Сибири в частности (к 1860-м гг. уже имелись еврейские молельные дома в Тобольске, Омске, Ишиме, Каинске и Томске) (ИАОО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 6714)².

Но Сибирь была открыта не для всех евреев. Социальный состав еврейского населения этого удаленного региона был весьма специфичен по сравнению с составом других регионов Российской империи как в черте оседлости, так и за ее пределами. Будучи традиционным местом ссылки, Сибирь принимала массу сосланных за различные преступления евреев. После введения рекрутской повинности в 1827 г. еврейское население края начало пополняться за счет кантонистов, военно-служащих, а затем отставных солдат. Солдаты стали важной частью еврейских общин, порой именно они являлись инициаторами организации еврейской религиозной жизни³. Небольшую группу составили добровольные поселенцы-земледельцы, прибывшие в Западную Сибирь по правительственной программе в 1836–1837 гг., и их потомки (Баркуссский, 2013, с. 25–34). Наконец, наиболее разношерстную группу составляли прибывшие в Сибирь по собственной воле авантюристы и поселенцы.

Как любые переселенцы (добровольные и вынужденные), евреи в Сибири оказывались перед необходимостью адаптироваться в новой социокультурной среде, прежде им незнакомой. Опыт межэтнического и межконфессионального взаимодействия, в которое были вовлечены евреи, способствовал формированию регионального варианта стереотипов их восприятия в принимающем сообществе. Рассмотрим типы социального взаимодействия евреев и окружающего населения в западносибирском регионе.

Ссылных евреев, как и представителей других национальностей, власти стремились селить компактно, причисляя их к государственным крестьянам. В середине 1830-х гг. к селам было приписано 1039 евреев, что составляло 60% от общего числа ссылных. Некоторые из них действительно оставались в селам для занятия хлебопашеством. В селам в этот период сконцентрировались и группы земледельцев-евреев, переселенных в 1835–1837 гг. Так, в Тюкалинском округе Тобольской губернии существовала земледельческая колония из 256 чел. [Антропова, 2004, с. 30]. Таким образом, ссылным евреям, в прошлом преимущественно горожанам, проживавшим в европейской России, в Сибири составившим значительную долю от общего еврейского населения, предписывалось селиться в селам и деревнях. Сибирские православные крестьяне в этой ситуации были вынуждены мириться с появлением чужаков в их селениях. Сам факт присутствия евреев в деревнях и селам не вызывал протестов у местного населения. Свидетельства этого обнаружены в делах о выселении евреев из разных населенных пунктов региона. Например, в 1826 г. крестьяне деревни Булатово Нижнекаинской волости клятвенно подтвердили, что их односельчанин Гирша Янкелевич «поведения добропорядочного ни в каких худых и противозаконных поступках нами замеченным не был» и потому постановили на общем сходе: «сожигание приемлем» (ИАОО Ф. 3. Оп. 14. Д. 18725. Л. 79–80). А жители станицы Становой в ходе проверки нелегально поселившихся в приграничной зоне евреев отмечали, что у них нет претензий к семье Рубановых из Тобольска, ведшей скромный образ жизни и занимавшейся скотоводством в станице с 1816 г. (Там же. Л. 12).

Однако взаимоотношения евреев и крестьян не всегда складывались безоблачно. В.П. Ключева, характеризуя процессы интеграции евреев в сибирский социум, отмечает: «У нас нет документальных свидетельств о неприязненных отношениях сибирских жителей к евреям. Однако полити-

ку государства и, соответственно, действия административных органов и чиновников нельзя характеризовать как доброжелательные» [Клюева, 2004, с. 8]. Оставив за скобками отношения власти и евреев, обратимся к конфликтам, которые все же возникали между евреями и окружающим населением, в частности, жителями сельской местности, вынужденными мириться с соседством ссыльных поселенцев, в том числе евреев.

Нежелание и неумение большинства евреев заниматься сельскохозяйственным трудом, их высокая географическая и социальная мобильность нередко порождала конфликты с сельским населением региона. Нижнекаинская волость стала местом компактного поселения ссыльных евреев. Это объяснялось желанием власти обеспечить новоприбывающим ссыльным возможность быстрее адаптироваться в новых условиях («жительствова подле своих единоверцев, населяющих в значительном количестве город Каинск, всегда могут снискивать от них пособия в нуждах своих») (ИА-ОО Ф. 3. Оп. 1. Д. 7048. Л. 37–37 об.). В 1827 г. проверка состояния сельских поселений, инициированная сенатской ревизионной комиссией, зафиксировала коллективную жалобу крестьян Нижнекаинской волости. Крестьяне сетовали на чрезмерную склонность сосланных в волость евреев к перемещениям, преступным действиям и уклонению от уплаты налогов. Евреи наряду с цыганами характеризовались крестьянами как «развратные люди», делающие «кражи и насилие», бродяги (Там же. Л. 9, 58). Крестьяне деревни Верхне-Балуево Бронниковской волости Тобольской губернии также оказались недовольны проживающим среди них евреев Лейбой Мошковым Цыгелем, обиравшим местных жителей. Важно отметить, что ни в одной из проанализированных нами жалоб нет религиозного подтекста, попытки использовать различия в вероисповедании в качестве обвинения (ГАТО ТФ. Ф. И-686. Оп. 1. Д. 595. Л. 8).

Значительная часть сибирских территорий была населена неправославными этническими группами. О взаимоотношениях представителей этих групп и евреев нам известно крайне мало. Очевидно, что массовое еврейское население отсутствовало в этнических поселениях, однако некоторые особенно энергичные и предприимчивые дельцы, как правило, торговцы, вели свои дела и среди инородцев. Судя по отсутствию заметного количества источников о конфликтах евреев с коренным сибирским населением, этот тип межэтнического взаимодействия был лишен эпизодов острой конфронтации. Тем не менее, в отдельных случаях возникновение конфликта интересов приводило к активным действиям инородцев по выселению евреев с их территорий. Так, в 1896 г. татары, жители Токуйских юрт Уватской волости, подали жалобу окружному исправнику с требованием выселить из их селений еврейское семейство Пейсель: «общественники юрт Токузских решительно не желают иметь их на жительстве у себя, как людей вредных» (Там же. Л. 24).

Расселение евреев в Западной Сибири было неравномерно. По данным переписи 1897 г. в регионе проживало 11 339 евреев, что составляло ничтожный процент от численности местного населения. При этом доля евреев, проживающих в городе, значительно превышала аналогичный показатель у немцев, поляков и русских⁵. Это делало евреев весьма заметными в городском сообществе, а их экономическая деятельность в регионе мало отличалась от деятельности в других местах России, поскольку регулировалась единым имперским законодательством в отношении евреев [Белов, 1999].

Большинство евреев Сибири, как, впрочем, и за ее пределами, были приписаны к мещанскому сословию. Небольшой процент их получал купеческие свидетельства. Евреи занимали видное место в экономике региона, подчас их капиталы складывались стремительно быстро, что давало им возможность занимать довольно влиятельные позиции в сибирских городах. Именно из купеческой среды вышли фигуранты одного из самых громких судебных процессов с участием евреев в Сибири. Резонанс был столь велик, что его содержание обсуждалось не только по всей Сибири, но и в Петербурге, рассматривалось в Сенате, а последствия сыграли существенную роль в формировании отрицательного отношения к сибирским евреям⁶. Речь идет о судебном процессе по делу купеческих сыновей Прейсманов и Хаймовича об оскорблении священника томской Воскресенской церкви Алексея Орлова. Это дело известно исследователям, в частности, автор единственной монографии, целиком посвященной вопросам истории евреев в Западной Сибири, Ю.М. Гончаров ограничивается кратким сообщением о нем без комментариев [Гончаров, 2013, с.106]⁷. Однако указанный сюжет представляется настолько репрезентативным в контексте проблемы отношения к евреям в сибирском социуме, что может стать основой для полноценной статьи.

В 1858 г. генерал-губернатор Западной Сибири Г.Х. Гасфорд получил донесение от томского губернатора А.Д. Озёрского для ознакомления «по важности сего происшествия». Из документа следовало: «Томской воскресенской церкви священник Алексей Орлов проходя 7го мая настоящего года мимо квартиры купца еврея Прейсмана, на балконе коего находились в то время купеческие сыновья, еврей Хаймович и Прейсман, которые осмелились без всякого со стороны Орлова повода, нанести ему тяжкую обиду самыми неприличными ругательными словами, порицая при том христианскую веру и, наконец, дерзнул на священника испустить мочу» (ИАОО Ф. 3. Оп. 3. Д. 4406. Л. 2-2 об.).

Этот случай, с точки зрения сибирской администрации, был настолько экстраординарен и возмутителен, что Г.Х. Гасфорд распорядился немедленно провести расследование не только непосредственно по делу об оскорблении священника, но и по незаконной экономической деятельности томских евреев. Важно заметить, что именно Гасфорду принадлежала инициатива подключения к следственной комиссии представителей духовной консистории, ведь до этого момента дело рассматривалось исключительно светскими лицами. Из отчета о ходе следствия стало известно, что томский епископ Парфений узнал о деле от самого пострадавшего священника Орлова в октябре того же года (т.е. через полгода после случившегося), ни полиция, ни консистория ему ничего не сообщала, а члены консистории, введенные в состав следственной комиссии, пояснили, что не собирались отчитываться перед епископом «до открытия всех обстоятельств дела» (Там же. Л. 10–11). В дальнейшем представители религиозной власти не проявляли заметного интереса к делу. В то же время этот сюжет крайне волновал светскую администрацию региона (особенно томского губернатора и генерал-губернатора Западной Сибири). Фигурантами дела стали купеческие сыновья Исая и Леонтий Прейсманы, а также Моисей Хаймович. Все трое принадлежали к весьма влиятельным в Томской губернии и за ее пределами купеческим семьям. Томский окружной суд приговорил подсудимых к помещению в смиренный дом «с поражением некоторых прав», а губернский суд изменил наказание на тюремное заключение сроком для Моисея Хаймовича на два года, Исая Прейсмана на полтора года (Там же. Л. 115). Судебное разбирательство, многочисленные жалобы, апелляции, прошения растянули дело на четыре года.

Пока светская администрация края намеревалась устроить показательный процесс, сам потерпевший, священник Орлов, пошел на мировую с обидчиками, заявив во все инстанции, что дело необходимо прекратить «по случаю миролюбивого между ними на то согласия» (Там же. Л. 174). Однако отягчающие обстоятельства не позволили суду вынести решение о помиловании. Вздорный характер и чрезмерная раздражительность Моисея Хаймовича привели к серии конфликтов его с судебной комиссией и другими чиновниками. Хаймович вел себя дерзко, ругался и оскорблял, писал жалобы из заключения, которые более походили на требования. Из материалов дела стало известно о давнем конфликте и открытой вражде между ним и столоничальником томского губернского суда Гусаренко. Последний, по мнению Хаймовича, и был виновен в том, что дело приняло столь серьезный оборот. Братья Прейсманы Исая и Леонтий (последний был осужден всего на три месяца) были отпущены на поруки по ходатайству их отца купца второй гильдии Моисея Прейсмана, очевидно, имевшего хорошую репутацию в городе⁸. Моисей Хаймович, судя по последней телеграмме его жене из Управления Западной Сибири, отбыл наказание в полной мере.

Несмотря на то, что дело по обвинению евреев в оскорблении священника и православной веры в целом было квалифицировано как «особо важное» и находилось под личным контролем руководства края, приговор по делу едва ли можно назвать суровым. Более того, есть все основания полагать, что без отягчающих обстоятельств (оскорбление чиновников Хаймовичем) виновные были бы помилованы. Усложнило ситуацию поведение самих евреев в ходе следствия. Из переписки томского губернатора с генерал-губернатором Гасфордом известно, что в Томске циркулировали слухи о «темных делах» еврейских купцов, в частности семьи Хотимских, происходивших из ссыльных: «Быстрое обогащение Хотимских, которые для снискания насущного хлеба должны были лет пятнадцать тому назад промышлять розничной продажей рыбы, подлинно составляет факт замечательный, объясняемый в общественном мнении тем, что они обогатились торговлею краденным золотом и противозаконным промыслом...» (Там же. Л. 90–93). Горожане разносили слухи не только о незаконной экономической деятельности некоторых томских евреев в Сибири, но и об участии их в махинациях с документами, подкупе лжесвидетелей и коррупции, в том числе по делу об оскорблении священника Орлова. Однако та же «народная молва» о другом томском состоя-

тельном еврее, основателе второй синагоги в городе, купце первой гильдии Анании Каминере, судила как о «человеке честном и благонамеренном». Любопытно, что религиозный аспект обвинения, судя по материалам дела, не интересует ни светские, ни религиозные власти, ни саму «народную молву»; речь идет о типичном для любого социального взаимодействия межличностном конфликте и заботе властей о порядке в регионе.

Повод для возникновения другого сюжета, возможно, также следует искать в области межличностного взаимодействия. В июне 1874 г. в канцелярию генерал-губернатора Западной Сибири поступил донос некоего мещанина Дроздова (без указания имени и отчества) из Томска (ИАОО. Ф. 3. Оп. 8. Д. 11899. Л. 4–5 об.). Текст доноса, судя по стилистике и почерку, был написан жалобщиком собственноручно. Мещанин Дроздов излагает двадцать два пункта обвинения в адрес известной в г. Мариинске еврейской семьи Аксельруд. Приведенные обвинения не пытается ни излагать хронологически, ни ранжировать по тематике.

Общая характеристика семьи Аксельруд сводится к «неспокойности характера и злобности». Большинство пунктов обвинения относятся к главе семейства Ицке Аксельруду, который, по словам самого Дроздова, попал в Сибирь за убийство. Причем ранее он ссылался дважды за разные преступления и оказался в Мариинске путем махинаций, тогда как на самом деле по тяжести вины должен был отбывать наказание в Восточной Сибири. Среди прочих «вин» Ицки Аксельруда и его сыновей значатся жестокое убийство неугодной невестки руками крещеного еврея в Томске, скупка краденого, операции с хищническим золотом, шулерство, спаивание и подкуп полицейского надзирателя, драка с мариинским жандармом, подкуп чиновников и махинации с документами. Отдельного внимания заслужила в доносе развратная жизнь мужчин семьи Аксельруд, выходящая за рамки дозволенного поведения: «блудодействие» с сестрой полицейского надзирателя (того самого, которого предварительно споили); внебрачные отношения с дочерью мариинского субботника, перешедшей в православие и вернувшейся обратно в субботничество. Незаконные сексуальные отношения с нееврейками, по словам Дроздова, заканчивались рождением внебрачных детей, которые были умерщвлены своим биологическим отцом из семьи Аксельрудов. Наконец, самое неожиданное и репрезентативное для Сибири обвинение главы семьи Аксельруд звучит следующим образом: «он есть такой отчаянный, что не боится не токмо общество и начальства, но и Бога, даже в субботние и праздничные дни не ходит в молитвенный дом для моления и слушанья молитв» (Там же. Л. 5 об.). То есть христианин (а у нас нет оснований полагать, что за псевдонимом «Дроздов» скрывается представитель иного вероисповедания) обвиняет иудея в недостаточном внимании к религии. Этот сюжет позволяет увидеть конкретную реализацию общего утверждения об особой роли религии в сибирском социуме: религия перестает быть вопросом ритуалов, а превращается в своеобразный моральный кодекс; человек же, не чтящий традиции, становится непредсказуемым и опасным⁹.

Вопрос о том, насколько достоверны обвинения, выдвинутые Дроздовым против семьи Аксельруд, в контексте нашего исследования является второстепенным. Однако заметим, что, во-первых, самого мещанина Дроздова томской полиции разыскать не удалось, судя по всему, он скрывался за псевдонимом. Во-вторых, в деле имеется рапорт мариинского окружного исправника, в котором опровергаются практически все обвинения в адрес Аксельрудов. По сохранившимся сведениям семья Аксельруд действительно занимала заметное место в экономической жизни города. Сам И. Аксельруд содержал в 1876 г. в Мариинске ренсковый погреб, а его сын Абрам (также фигурирующий в доносе) числится среди богатейших людей города в 1896 г. [Гончаров, 2013, с. 70]. Более того, семья Аксельруд участвовала в религиозной жизни еврейской общины. Из материалов дела о доносе Дроздова известно, что Ицка Аксельруд совершал обряд венчания по еврейской традиции для пары субботников (ИАОО Ф. 8. Д. 11899. Л. 6.), а по сведениям из метрической книги о родившихся в Мариинске в 1896 г. обряд обрезания младенцу Моисею проводил также член семьи Аксельруд [Гончаров, 2013, с. 102]. И обряд венчания, и тем более обрезания не могут проводить люди, мало погруженные в традиционную еврейскую жизнь.

Известно, что наветы, погромные настроения, основанные на религиозных предрассудках, крупные межэтнические конфликты не отмечались в Сибири. Разумеется, причины этого кроются не только в специфическом отношении сибиряков к религии, но и в довольно серьезном административном и полицейском контроле над обстановкой, осуществляемом генерал-губернатором Западной Сибири, а также гражданскими губернаторами на местах. Кроме того, сибирские евреи вла-

ли от традиционных мест проживания были в значительной степени аккультурированы или отождествились с тем социальным группам, поведение, образ жизни и ценностные ориентации которых были схожими. Поселение в Сибири значительного числа ссыльных и военнослужащих евреев запустило процесс «принудительной интеграции» этих категорий еврейского населения Российской империи.

Рост социальной напряженности и борьбы политических групп за влияние в обществе в конце XIX – начале XX в. обострили межэтнические отношения и в Западной Сибири. Из предписания тобольского губернатора А.П. Лаппо-Старженецкого от 27 марта 1904 г. известно: «По сведениям, поступающим с департаментов полиции, в местах наибольшего скопления еврейского населения замечаются обострения враждебного к нему настроения в прочих частях населения» (ГАТО ТФ. Ф. И-171. Оп. 1. Д. 16. Л. 13). А уже через год в секретном донесении тобольского полицмейстера тобольским приставам сообщается о подключении к разжиганию межнациональной розни новой силы – черносотенцев [Клюева, 2004, с. 22–23]. Действительно, в 1904–1905 гг. прошла вторая волна еврейских погромов по всей Российской империи, как в черте оседлости, так и далеко за ее пределами. Секретные предписания о необходимости недопущения еврейских погромов направлялись во все губернии Российской империи из Министерства внутренних дел и напрямую цитировались при доведении до сведения более низких инстанций (ГАПК. Ф. 65. Оп. 3. Д. 7. Л. 45–45об.). Нам неизвестно, в каких формах проявлялись антиеврейские настроения в Тобольской губернии и проявлялись ли вообще, но заслуживает внимания жесткая позиция тобольской начальства по пресечению антиеврейского насилия. В своем предписании Лаппо-Старженецкий подчеркивал (поскольку копия документа аналогичного содержания в МВД не обнаружена, это позволяет заключить, что в тексте приведена личная позиция губернатора): «Предупреждаю, что всякое проявление насилия одной части населения над другой будет принято мной за недостаточность или несоответствие означенных мер предупреждения» (ГАТО ТФ. Ф. И-171. Оп. 1. Д. 16. Л. 13).

Очевидно, начало Русско-японской войны и связанная с ней радикализация общественных настроений, рост агрессии и осязаемое ухудшение социально-экономической обстановки активизировали одну из самых уязвимых сфер социальной жизни – межэтнические отношения. Националисты-черносотенцы вносили свою лепту в дестабилизацию межнациональной ситуации в регионе. Несмотря на то, что в Сибири черносотенцы пользовались меньшей поддержкой населения, чем в западных губерниях, их действия приносили свои плоды [Толочко, 1999, с. 84–85; Штырбул, 2008, с. 109]. Националисты стали одной из движущих сил томского погрома 21–22 октября 1905 г., который принял антиеврейский характер во второй день беспорядков [Шиловский, 2010; Галашова, 2001].

Наложение активной националистической пропаганды на уже сложившуюся картину мира у отдельных представителей сибирского социума приводило к актам насилия на почве межнациональной розни. К такого рода конфликтам можно отнести инцидент в Омске. 22 июля 1914 г. группа запасных солдат устроила разгром квартиры еврейского портного О. Неймана: выбили стекла в доме, избili самого владельца дома, при этом из толпы слышались крики «Бей жидов!» (Разгром, с. 3). Как оказалось, произошел конфликт между запасными и извозчиком, отказавшимся везти пьяных и забежавшим в дом Неймана в поисках защиты. В результате началась потасовка между запасными и евреями, вышедшими из дома Неймана, которая закончилась битьем стекол, избивением хозяина дома и антисемитскими лозунгами.

Однако было бы ошибкой сводить все инциденты, затрагивающие евреев, в начале XX столетия к межнациональной розни и общественно-политическому противостоянию. Порой даже события, выглядящие как открытое проявление антисемитизма, на поверку оказывались обычными бытовыми преступлениями. Таким событием стало нападение на тобольскую синагогу 7 июля 1907 г. Несмотря на то что об этом преступлении сообщалось в прессе и сам факт происшествия не относится к неизвестным страницам истории тобольских евреев, исследователи сибирского еврейства не только не привлекали его в ходе анализа межэтнических отношений в регионе, но и не упоминали о нем.

Ночью 7 июля в здание тобольской синагоги на р. Курдюмке проникли преступники. В этот момент в помещении находились два престарелых сторожа, оба они были жестоко убиты. Из синагоги исчезли серебряная утварь (2 серебряных короны на Тору, серебряный «палец» (указка), 2 бронзовых подсвечника) и деньги, собранные в специальные кружки для пожертвований

(6–7 рублей). По горячим следам были задержаны предполагаемые преступники – крестьяне из ссыльных Кирилл Федоров Игольников, Еким Васильев Касьянов и Мокий Иванов Пневский. В качестве свидетелей привлекались как местные тобольские евреи, так и неевреи, однако дело развалилось за недостатком доказательств (ГАТО ТФ. Ф. И-158. Оп. 3. Д. 2284).

Сообщение об этом происшествии попало в хроникальный раздел «Памятной книжки Тобольской губернии за 1908 год», текст его был предельно лаконичен: «8 июля совершено убийство двух евреев-стариков, живших на призрении в синагоге, из которой похищены некоторые вещи». Версии преступления с антисемитской подоплекой ни в прессе, ни в ходе следствия не рассматривались современниками. Однако значительно позже советская тобольская пресса привлекла этот сюжет для демонстрации тлетворного влияния духовенства и черносотенцев на тобольское население: «Священники – черносотенцы с церковных амвонов открыто проповедовали антисемитизм и человеконенавистничество. Под растлевающим воздействием этих проповедей 6 июля 1907 года произошла резня евреев в еврейской молельне в Тобольске» (Реакционное тобольское духовенство, с. 3.). Таким образом, в рамках официального советского дискурса бытовое преступление с жертвами среди евреев использовалось в качестве иллюстрации недопустимого негативного влияния идеологических оппонентов (церкви и монархистов-националистов).

Разумеется, рассмотренные в статье сюжеты не исчерпывают темы повседневного взаимодействия представителей еврейского меньшинства и западносибирского социума.

Одними из важных факторов сравнительно незначительного числа межконфессиональных конфликтов с участием евреев являются немногочисленность еврейского населения в сибирском регионе и значительная степень аккультурации (владение русским языком, поведенческие установки, внешний облик). Однако, как показывает опыт взаимодействия евреев и окружающего населения в других регионах Российской империи, эти факторы не были определяющими.

Специфику межэтнического взаимодействия в Сибири определяло в большей мере особое отношение сибиряков к религии – как к некоему этическому кодексу (отсюда обвинение мещанином Дроздовым Ицки Аксельруда в непосещении синагоги и несоблюдении еврейской традиции). При этом область межконфессиональных конфликтов, вероятно, не была приоритетной для сибирских церковных иерархов (ср. индифферентность церкви по делу Прейсманов и Хаймовича). Социальные и экономические конфликты с участием евреев в Сибири не приводили к активизации типичных для европейских регионов религиозных наветов: кровавого навета и миф о ритуальных убийствах, представления о евреях как о нарушителях «древлего благочестия», фольклорных нарративов о евреях.

Значительная часть евреев появилась в Сибири в результате «принудительной интеграции» в имперский социум. Принадлежа к ссыльным, земледельцам-поселенцам, солдатам, сибирские евреи вписывались в социальную матрицу, усваивали особые ценностные и поведенческие установки, корпоративную этику. Впрочем, это не означало, что в отношении евреев у населения Сибири не существовало региональных стереотипов восприятия. Анализ источников показал, что при распространенности межконфессиональных конфликтов основные стереотипы восприятия евреев как этноконфессионального меньшинства определялись особенностями социально-экономической деятельности некоторых представителей еврейской диаспоры в Сибири. Для сибиряка негативный образ еврея связан не с его религиозными и культурными отличиями от неевреев, а со специфическими нелегальными занятиями: контрабандой, фальшивомонетничеством, шулерством, сутенерством, операциями с краденым золотом и т.д. Именно эти стереотипы актуализировались в конфликтах сибиряков с евреями. Однако стоит отметить, что межэтническое напряжение было настолько невелико, что не помешало формированию особого типа региональной идентичности у евреев Сибири [Рабинович, 2003].

Сибирские евреи неожиданно оказались «успешным проектом» империи, хотя высшая власть и не ставила такой цели, разрешая отдельным категориям евреев селиться в Сибири: адаптировавшись в новых условиях, евреи воспринимали новый вариант региональной идентичности, не теряя своего этнического и конфессионального своеобразия и выстраивая относительно добрососедские отношения с окружающим населением.

Примечания

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФ в рамках проекта № 17-78-10172 «Евреи в Западной Сибири в системе межнациональных отношений: история и современность».

² Общая численность евреев в Западной Сибири нам неизвестна (нет сведений, собранных в один и тот же период во всех губерниях края), однако данные по Тобольской губернии могут дать представление о динамике роста еврейского населения в регионе. Согласно данным, приведенным Ю.М. Гончаровым, в 1860 г. только в Тобольской губернии проживало 662 чел. обоюбого пола (РГИА. Ф. 1290. Оп. 4. Д. 557), а по сведениям, собранным тобольским губернским правлением в 1869 г., в губернии официально зарегистрировано 1755 евреев, из них 350 человек коренных жителей, 1040 солдат, 385 проживающих по паспортам (ИАОО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 6714).

³ Особенно это касалось городов Омской области, в которых прежде еврейское население отсутствовало: Петропавловск, Семипалатинск, Акмола.

⁴ Евреи составляли 68,14% горожан, тогда как поляки – 31,4%, немцы – 26,3%, русские – около 6%. (Патканов, 1912, с. 2–5, 20–76, 130–133).

⁵ Известный сибирский ученый, литератор, общественный деятель, директор тюменского Александровского училища И.Я. Слоцов в своем сочинении «Еврейский вопрос и евреи в Сибири», написанном под псевдонимом «Диж-Ракель», упоминает об инциденте в Томске с явным возмущением: «Израиль... дозволял себе даже иногда публичные глумления над православным духовенством» (Диж-Ракель, 1895, с. 49).

⁷ Судя по приведенной в монографии ссылке, автор почерпнул информацию о сюжете из краткой справки о нем в деле о присвоении почетного гражданства Моисею Исаевичу Прейсману, отцу одного из фигурантов дела (РГИА. Ф. 1343. Оп. 39. Д. 5973. Л. 5–7).

⁸ Уже через несколько лет Моисей Прейсман стал почетным гражданином г. Томска (ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1094. Л. 1об.).

⁹ Не случайно чиновники пенитенциарных учреждений с пониманием относились к религиозным потребностям заключенных. Нам известны многочисленные эпизоды о временном освобождении из-под стражи заключенных и находящихся под следствием евреев для празднования в общинах под контролем своих единоверцев в Тобольске, Томске, Омске. Религия воспринималась как способ исправления преступников, поэтому к концу XIX в. в тобольских каторжных тюрьмах действовали специально оборудованные молельные комнаты не только для православных, католиков, мусульман, но и для лютеран и иудеев [Бортникова 1999, с. 244].

¹⁰ Только за 1904 г. в Российской империи произошло 43 погрома, более половины из них были связаны с Русско-японской войной и мобилизацией. Антисемитская пресса и слухи тиражировали идеи о связи евреев с японцами. Сказывались также общие упаднические настроения среди населения, рост цен, падение уровня жизни и т.д. [Ламброза, 2016, с. 225–228].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 65. Канцелярия Пермского губернатора МВД. Оп. 3. Д. 7.

Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Томское губернское управление. Оп. 2. Д. 1094.

Государственный архив Тюменской области, Тобольский филиал (ГАТО ТФ). Ф. И-158. Тобольский окружной суд. Оп. 3. Д. 2284; Ф. И-171. Березовское уездное полицейское управление. Оп. 1. Д. 16; Ф. И-686. Тобольское окружное полицейское управление. Оп. 1. Д. 595. Диж-Ракель. Еврейский вопрос и евреи в Сибири / Тобольск: Губ. тип., 1895. Отт. из № 5, 8, 10, 12, 14, 16 «Тобол. губ. вед.» 1895.

Исторический архив Омской Области (ИАОО). Ф. 3. Главное управление Западной Сибири в Омске. Оп. 1. Д. 7048; Оп. 3. Д. 4406; Оп. 4. Д. 6714; Оп. 8. Д. 11899; Оп. 14. Д. 18725.

Разгром квартиры Неймана // Омский вестник. 1914. 22 июля.

Патканов С.К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири. СПб.: Б.и., 1912. Т. 1.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1290. Центральный статистический комитет МВД. Оп. 4. Д. 557; Ф. 1343. Третий департамент Сената. Оп. 39. Д. 5973.

Реакционное тобольское духовенство в годы трех революций // Тобольская правда. 1959. № 72.

Библиографический список

Антропова И. Е. К истории формирования еврейских общин Тобольской губернии и г. Тюмени (XVIIв. – 1837 г.) // «Приезд и водворение в Сибирь евреям воспрещается». Из истории еврейской общины в Тюмени. Тюмень, 2004. С. 28–43.

- Баркуцкий И. В.* Переселение евреев в Сибирь в 1835–37 годах и его ближайшие последствия // Евреи в социокультурном пространстве Тюмени и региона: к 100-летию городской синагоги: Матер. науч.-практ. конф. Тюмень: Б.и., 2013. С. 25–34.
- Белов С. Л.* Еврейское население Тобольской губернии в конце XIX в.: социально-демографический портрет (по материалам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.) // Ежегодник Тюмен. обл. краевед. музея: 1997 г. Тюмень, 1999. С. 38–60.
- Бортникова О. Н.* Сибирь тюремная: пенитенциарная система Западной Сибири в 1801–1917 гг. Тюмень: Б.и., 1999. 301 с.
- Галашова Н. Б.* Из истории еврейского погрома в Томске в 1905 году (по воспоминаниям очевидцев) // История еврейских общин Сибири и Дальнего Востока. Красноярск; Иркутск: Б.и., 2001. С. 45–50.
- Гончаров Ю. М.* Еврейские общины Западной Сибири (XIX – начало XX вв.). Барнаул: Б.и., 2013. 174 с.
- Кальмина Л. В., Курас Л. В., Немчинова Т. А.* Евреи Сибири и дальнего Востока: Библиографический указатель литературы на русском языке. Красноярск: Б.и., 2004. 159 с.
- Клюева В. П.* Евреи в Западной Сибири: политика государства и проблемы адаптации в сибирском обществе (XVII – начало XX в.) // «Приезд и водворение в Сибирь евреям воспрещается...»: Из истории еврейской общины в Тюмени. Тюмень: Б.и., 2004. С. 5–27.
- Курас Л. В.* Профессор Я.М. Кофман и современная сибирская иудаика, или Прерванная песня // Известия Иркутского государственного университета. Сер. «История» 2013. № 2 (5). С. 53–68.
- Ламброза Ш.* Погромы 1903–1906 годов // Погромы в Российской империи Нового времени (1881–1921). М., 2016. С. 225–228.
- Левин Э. Б.* Записка об эмансипации евреев в России (1859) // Еврейская старина. 1916. Т. 9. С. 300–308.
- Рабинович В.* Еврей или сибиряк // *Ab imperio*. 2003. № 4. С. 115–142.
- Толочко А. П.* Черносотенцы в Сибири (1905 г. – февраль 1917 г.). Омск: Б.и., 1999. 123 с.
- Шиловский М. В.* Томский погром 20–22 октября 1905 г.: хроника, комментарий, интерпретация. Томск: Б.и., 2010. 150 с.
- Штырбул А. А.* Политическая культура Сибири: Опыт провинциальной многопартийности (конец XIX – первая треть XX в.). Омск: Б.и., 2008. 611 с.

Дата поступления рукописи в редакцию 03.03.2018

IS SIBERIA TOLERANT? TO THE QUESTION OF THE ATTITUDE TO JEWS IN WESTERN SIBERIA IN THE PRE-REVOLUTIONARY PERIOD

V. A. Gerasimova

Omsk State University, Mira ave., 55a, 644077, Omsk, Russia
gerasimova@bk.ru

The article examines the experience of interfaith interaction between Jews and the surrounding non-Jewish population in Western Siberia in the 19th and early 20th centuries. The author analyzes various types of interaction between Jews and Siberians (peasants, Orthodox clergy, philistines, etc.), concentrating on conflict situations. One of the important and obvious factors of a comparatively low level of interfaith conflicts with the participation of Jews was the scarcity of the Jewish population in the Siberian region, as well as a significant degree of their acculturation, such as proficiency in Russian, behavioral attitudes, and appearance. However, as the experience of interaction between Jews and the surrounding population in other regions of the Russian Empire shows, these factors were not decisive. Specificity of interethnic interaction in Siberia was largely determined by a special attitude of Siberians towards religion as to an ethical code (the case of the denunciation of the petty bourgeois Drozdov, Tomsk, 1874), while the area of interconfessional conflicts was probably not a priority for the Siberian church hierarchs (the case on the insult of the Orthodox priest by the Jewish "merchant sons" Preysman and Haimovich). The author states that social and economic conflicts involving Jews in Siberia did not lead to the activation of religious sentiments typical for the European regions. It means that neither the blood libel, nor other religious accusations, nor the folklore narratives about Jews were popular in Siberia. A significant part of Siberian Jews appeared there as the result of the "forced integration" (this term is introduced by the author for the first time for the research use) into the imperial so-

ciety and was represented by exiles, agricultural settlers, and soldiers. Siberian Jews fit into the social matrix, assimilating special value and behavioral attitudes, corporate ethics, etc. The analysis of the sources showed that, given the weak relevance of interconfessional conflicts, the main stereotypes of the perception of Jews as an ethnic and confessional minority were built on the socio-economic characteristics of the activities of some representatives of the Jewish diaspora in Siberia. For a Siberian, the negative image of a Jew was not related to his religious and cultural differences from non-Jews, but to specific illegal activities: smuggling, counterfeiting, cheating, pimping, operations with stolen gold, etc. These stereotypes were actualized in conflict situations between Siberians and Jews.

Key words: Jews, interfaith interactions, Russian empire, Judaism, tolerance, Western Siberia.

References

- Antropova, I.E., (2004), "To the history of the formation of the Jewish communities of Tobolsk province and Tyumen (XVII century - 1837)", in *"Priezd i vodvorenie v Sibir' evreyam vospreshhaetsya". Iz istorii evreyskoy obshchiny v Tyumeni* ["Arrival and settlement of Jews in Siberia is prohibited". From the history of the Jewish community in Tyumen], "Tyumenskiy kuryer", Tyumen', Russia, pp. 28-43.
- Barkusky, I., (2013), "The resettlement of Jews to Siberia in 1835-1837 and its closest circumstances", in *Evrei v sotsiokul'turnom prostranstve Tyumeni i regiona: k 100-letiyu gorodskoy sinagogi: materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Jews in the sociocultural space of Tyumen and the region: to the 100th anniversary of the city synagogue: proceedings of the scientific-practical conference], Izdatel'stvo TyumGU, Tyumen', Russia, pp. 25-34.
- Belov, S.L. (1999), "Jewish population of Tobolsk province at the end of the XIX century: socio-demographic portrait (based on the First General Census of the Russian Empire in 1897)", in *Ezhegodnik Tyumenskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya*, Tyumen', Russia, pp. 38 – 60.
- Bortnikova, O.N. (1999), *Sibir' tyuremnaya: penitentsiarnaya sistema Zapadnoy Sibiri v 1801-1917 gg.* [Prison Siberia: the penitentiary system of Western Siberia in 1801-1917], Izdatel'stvo Tyumenskiy yurid. in-t MVD RF, Tyumen', Russia, 301 p.
- Galashova, N.B. (2001), "From the history of the Jewish pogrom in Tomsk in 1905 (according to eyewitness recollections)", in *Istoriya evreyskikh obshchhin Sibiri i Dal'negovostoka* [History of the Jewish communities of Siberia and the Far East], Kleantrum, Krasnoyarsk, Irkutsk, Russia, pp. 45–50.
- Goncharov, Ju.M. (2013), *Evreyskie obshchiny Zapadnoy Sibiri (XIX – nachalo XX vv.)* [Jewish communities of Western Siberia (XIX - early XX centuries)], Azbuka, Barnaul, Russia, 174 p.
- Kal'mina, L.V., Kuras, L.V. & T.A. Nemchinova (2004), *Evrei Sibiri i Dal'nego Vostoka: Bibliograficheskiy ukazatel' literatury na russkom yazyke* [Jews of Siberia and the Far East: Bibliographic Index of Literature in Russian], Krasnoyarsk, Russia, 159 p.
- Klyueva, V.P. (2004), "Jews in Western Siberia: state policy and adaptation problems in Siberian society (XVII - early XX century)", in *"Priezd i vodvorenie v Sibir' evreyam vospreshhaetsya". Iz istorii evreyskoy obshchiny v Tyumeni* ["Arrival and settlement of Jews in Siberia is prohibited". From the history of the Jewish community in Tyumen], "Tyumenskiy kuryer", Tyumen, Russia, pp. 5-27
- Kuras, L.V. (2013), "Professor Ya.M. Kofman and the modern Siberian Judaica, or Interrupted Song", *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta, Seriya «Istoriya»*, № 2 (5), pp. 53-68.
- Lambroza, Sh. (2016), "The pogroms of 1903-1906", in *Pogromy v Rossiyskoy imperii Novogo vremeni (1881-1921)* [Pogroms in the Russian Empire of modern times (1881-1921)], Knizhniki, Moscow, Russia. pp. 225-228.
- Levin, Je. B. (1916), "A note on the emancipation of Jews in Russia (1859)", *Evreyskaya starina*, Vol. 9, pp. 300-308.
- Rabinovich, V. (2003), "Jew or Siberian", *Ab imperio*, № 4. pp. 115-142.
- Shilovskiy, M.V. (2010), *Tomskiy pogrom 20–22 oktyabrya 1905 g.: hronika, kommentariy, interpretatsiya* [Tomsk pogrom October 20-22, 1905: chronicle, commentary, interpretation], Izdatel'stvo TGU, Tomsk, Russia, 150 p.
- Shtyrbul, A.A. (2008), *Politicheskaya kul'tura Sibiri: Opyt provincial'noy mnogopartiynosti (konec XIX – pervaya tret' XX v.)* [The political culture of Siberia: The experience of the provincial multi-party system (the end of XIX - the first third of the XX century)], Isdatel'stvo OmGPU; Izd. dom "Nauka", Omsk, Russia, 611 p.
- Tolochko, A.P. (1999), *Chernosotency v Sibiri (1905 g. - fevral' 1917 g.)* [The Black Hundred in Siberia (1905 - February 1917)], Izdatel'stvo OmGU, Omsk, Russia, 123 p.